

1 МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНКУРС
АРТИСТОВ БАЛЕТА

ВЫ ИХ
УВИДИТЕ
В МОСКВЕ

Маргарита Димитрова
(Болгария)

Родилась в 1947 году в Софии. В 1967 году окончила балетный экспериментальный факультет при Государственном хореографическом училище. Сейчас Димитрова — артистка Маринетти театра «София».

В 1968 году участвовала в IV Международном конкурсе артистов балета в Барре, где удостоена премии второй степени. Учениками Маргариты Димитровой являются профессор Софийской академии балета и педагог Н. Балтасев.

Адам ЛЮДЕРС
(Дания)

Родился в 1930 году. Получил хореографическое образование в Королевской датской балетной школе, которую окончил в 1952 году. Член труппы Королевского датского театра.

Мервей ЭЛЬ-НАБАРДИ
(Объединенная Арабская Республика)

Родился в 1949 году в Каире. Изучал в университете поступив в 1958 году — и год его открытия.

По окончании училища в 1967 году стала первая артистка Марисского театра оперы и балета. В репертуаре — эпизоды — пьесы на балетах «Лебединое озеро», «Целинники», «Лизавета Глинка», другие. Праздник станичников в Большом театре ССР.

Токко ХИСАМИЦУ
(Япония)

Родился в 1943 году в Сибасу (остров Хонсю). Еще учился в средней школе, начал танцевать — в японской национальной школе города Сибасу. Токко параллельно занимался хореографическим искусством в балетной школе Фудзими Муки. В 1965 году он поступает в балетную школу Танки Момоно. С тех пор Токко — один из всех постановщиков блестящих труппы Танки Момоно.

На конкурсе он выступит с сольной программой в качестве первого коллектива Сидзуку Аояги.

Бонжана КОЦИОЛКОВСКАЯ
(Польша)

Родилась в 1941 году в Варшаве. В 1951 году поступила в Государственную среднюю балетную школу, которую в 1960 году окончила. Вместе с Юлианом Балеманом, Юлианом Панчинским, Ярославом Риги, Бартломеем Скоттом, Мариной и многих других городов. И всегда концерты проходили с неизменным ус-

НЕДВИНО мне довелось посмотреть спектакль «Гарриф» в Театре на Таганке. Я была в числе тех, когда этот спектакль не оставил равнодушным (таких, вероятно, было большинство). С первых же мгновений, когда актеры пробегали в луче света через партер и, поднявшись на сцену, представились зрителям, и до самого финального момента прошедшего Органа действий задавало зданию. В этом немало заслуг режиссерской роли и фантазии Юрия Любимова, и актеров, которые играют весело и неизменно. Комедийная интрига развивается с каждой сценой, с каждым кинзодом...

Но вот представление скончилось. Актеры вышли «на поклон», уставшие и довольные. И, может быть, именно в этот момент гипнотическая власть спектакля начала рушиться. То есть, что-то не сошлося и склерозировало в спектакле, что-то не сошлось и увлекло за собой, стало тускнеть, терять очертания, забываться... И вспомни вдруг: о чем, собственно, шла спектакль? — свою папку. Одни были «толстыми», другие «тонкими» (следом было больше). Если были «престые», которую собрал театр «спектакль «Добрый человек из Сезуана» и «Десять дней, которые потрясли мир», мог бы называться любопытный академический театр, то темы постановки, как

утверждает, за которую борется, имеет большую общественную значимость.

В спектаклях Театра на Таганке подобная ясность идеи, ясность замысла не всегда очищалась.

Где «зрительству» зрителя найти ответы на вопросы, возникающие на спектакле? Конечно, у критика. Кто и обратилась.

В библиографическом кабинете ВТО мне предложили папки с рисунками подиумных статуэток о театре за всю его пятилетнюю историю; кто-нибудь из каждого спектакля — свою папку. Одни были «толстыми», другие «тонкими» (следом было больше). Если были «престые», которую собрал театр «спектакль «Добрый человек из Сезуана» и «Десять дней, которые потрясли мир», мог бы называться любопытный академический театр, то темы постановки, как

они говорят, склонялись к сюжетам истории театра?

Что характерно для большинства публики? Стремление поддержать торческие поиски молодого коллектива и связь с этим высоким спектаклем нам, зрителям, это важно?

Гарриф — как характере, социально-исторической типе — или историю постановки — запрещение и разрешение комедии «Гарриф»? О том, что хотел сказать Мольер, или о том, что говорит об истории постановки пьесы истории театра?

Три четыре года назад я был об этом не задумывалась. Мой театральный «бюджет» до поступления в Московский университет исчерпался двумя просмотренными спектаклями — в Бресте (куда нас школьников, однажды привезли из поселка, где я родилась) и в Минске, где находилась проездом. Вот и все.

Театр на Таганке как зритель и обозреватель первыми сильными впечатлениями. В этом же не было иначе.

Не хватает слов, чтобы выразить впечатление, охватившее меня из спектакля «Десять дней», который поставил Мольер. Возможно, что было обусловлено моей склонностью к вопросам искусства, но он буквально ошеломил, увлек, захватил меня. Я впервые ощутила огромную власть театра, постигла реальность сцены, почувствовала присущую ей величественность и грандиозность спектакля сезона.

«Каждый новый спектакль Театра на Таганке — праздник искусства, праздник мысли», — уверял режиссер в «Московском комсомоле». «Десять дней» — одна из самых ярких вех в жизни театра и национального театрального сезона.

Каждый новый спектакль Театра на Таганке — праздник искусства, охватывающий меня из спектакля «Десять дней», который поставил Мольер. Возможно, что было обусловлено моей склонностью к вопросам искусства, но он буквально ошеломил, увлек, захватил меня. Я впервые ощутила огромную власть театра, постигла реальность сцены, почувствовала присущую ей величественность и грандиозность спектакля сезона.

Шли годы. Таганка в оставалась «бюджетом» его прогресса. Но это не означало, что я не буквально ошеломлена, увлека, захватила меня. Я впервые ощутила огромную власть театра, постигла реальность сцены, почувствовала присущую ей величественность и грандиозность спектакля сезона.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не оставляют след в сознании, побуждают к размышлению, раскрывают глубину душевного мира и характеров людей и потому, возможно, не воспринимают. Подобно тому, как читают различные романы театра привычно, с легкостью, искренне, без усилий.

Зритель на спектакль «Гарриф» не вспоминает.

Что тут было взрывать?

Разобраться в кильватерных нюансах помогает сравнение, сопоставление.

Я стала чаще ходить в Большой, Малый, художественный, в вазовский, в «Современник». Лично, спектакли эти и некоторых других театров не остав

ЗА ГРАНИЦЕЙ

ПОДВИГУ —
25 ЛЕТ

ФУТУРОЛОГИЯ
В КИНО

Мария ЛУРДЕС: ПЕТЬ —
ЭТО ЖИТЬ

ЧЕХОВ
ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Кадр из документального фильма «Революционный дерзкий шаг».

Подвиг на улице Ютег

ТУРИСТИКИ маршруты «Ибуса» (турецкая фирма ВИР), тщательно учитывающие все достопримечательности блестящего Будапешта, лежат в стороне от улицы Ютег. Даже старый булавицкий шофер Корин-бачи (дядюшка Корин), который знает город, как свои пять пальцев, даже он, чертыхаясь, с трудом разговаривает ей.

«Что же привело сюда нас, кинодокументалистов из Москвы?»

Продолжение. Начало см. номер

от 23 марта с. г.

и этот неизвестный дом под номером три?

Мы входили в тихий провинциальный дворик, поднимавшийся от четырех цыпленков от времени ступенями и, постукивая, открывая застекленную дверь. В комнатке апельтино пахнет традиционным гулышом и крепким кофе. Боковая дверь открывается, и в комнату энергично входит крахмистый человек лет шестидесяти.

Я узнаю папашу Яноша по старой фотографии. Только тогда он не носил усов и был на-

будапешт от Кисловодска, где живет Петер Мальчиш. Далеко до Бирши в Бакинской, где проживает Назым Султанов, чуть ближе до Лука и Поставы, где находится Александр Копалев и Владимир Соловченко.

Эти четыре советских человека, четыре военных летчика, участвовавших в освобождении Венгрии, свою жизнь обмыли в морях разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Немалое расстояние отделяет

ИЗ ВЕНГЕРСКОГО БЛОКНОТА

Лайош поделился этим известием со своей женой и соседом Яношем Клайном. Вместе они решали спасти раненых советских летчиков от немецкого расстрела.

Лайош Сабо передал Назыму Султанову нацистам, которым пленные перепалили решетку в туалетной комнате. Ночью венгр удалось перетащить раненых через окно, в затмении под санитарным нососом из дома № 3, что на улице Ютег.

Однокютские шаткие люди в трудные дни фашистского террора проявили огромную во-

лую и мужество, совершившие подвиг, который высоко оценен и в народной Венгрии, и в Советском Союзе.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Из Ютега. Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И письма, письма, письма. Из много. На конвертах марки разных стран и Венгрии. Но, пожалуй, больше всего писем из Советского Союза.

Илья Клейн не

знает русского языка, но и русский — это мы сразу почувствовали — у него отношение особое.

— Кофе? Гуаш?

— Нет! Нет! Не надо ни кофе, ни гуаша. Русским товарищам нужно побороть с вами — объясняет переводчик Эржебет.

Но традиционный венгерский кофе все же не является. Мы сидим вместе с папашей Яношем за круглым столом, он извиваясь выкладывает первый ворот старых фотографий. И п